Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
Critics & Reviews | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.777

The Machine as a Mirror of the Human: An Affective History of Technology in the Interpretation of Daniel Strassberg

Dmitry V. Solomko

South Ural State University; Chelyabinsk State University. Chelyabinsk, Russia.
Email: dimiurg85[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2318-7643

Received: 29 March 2026 | Accepted: 3 May 2026

Abstract

This review examines the monograph "The Mythology of the Machine: A History of Mechanisms That Fascinate and Frighten Us" by Swiss philosopher, cultural theorist, and psychoanalyst, Daniel Strassberg. The book presents an original study of the affective dimension in the history of technology. The machine is explored not from an engineering, technical, or applied perspective, but as a cultural code that organizes the perception of reality, temporality, and human agency. The reviewer analyzes the key problem of the book: namely, why the relationship between humans and machines is invariably ambivalent, and why contemporary techno-alarmist sentiments have deep historical, cultural, and psychoanalytic roots. The review highlights Strassberg's interdisciplinary approach, which synthesizes psychoanalysis (S. Freud, M. Klein), certain strands of classical philosophy (Plato, I. Kant), and a historical approach to technology. The heuristic potential and limitations of the author's proposed methodology of "constellations of affects" are identified. Furthermore, it demonstrates how the history of automatons, clocks, steam engines, and computers reveals a persistent anthropological drama: the confrontation between human dreams of omnipotence and the deep, irrational fear within the human psyche, of divine punishment for such hubris. The review concludes that Strassberg's work is a significant contribution to the philosophy of technology, offering a way to renew the established notions of the nature of technophobia and technophilia. The article is intended for philosophers, cultural theorists, specialists in technical sciences, researchers in the social sciences and humanities, and readers interested in the relationship between the technical and the anthropological.

Keywords

Myth; Machine; Technics; Technology; Affect; Technophobia; Technophilia; Daniel Strassberg; History of Mechanisms

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License
© 2026 Dmitry V. Solomko

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2026. No 3 | ISSN: 2658-7734
Критика и рецензии | https://doi.org/10.46539/gmd.v8i3.777

Машина как зеркало человеческого: аффективная история техники в интерпретации Даниэля Штрассберга

Соломко Дмитрий Витальевич

Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. Email: dimiurg85[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-2318-7643

Рукопись получена: 29 марта 2026 | Принята: 3 мая 2026

Аннотация

В предлагаемой рецензии рассматривается монография швейцарского философа, культуролога и психоаналитика Даниэля Штрассберга «Мифология машины. История механизмов, которые нас пугают и очаровывают», представляющая собой оригинальное исследование аффективной стороны истории техники. Машина исследуется не в инженерно-техническом или прикладном аспектах, а в качестве культурного кода, организующего восприятие реальности, темпоральности и человеческой агентности. Рецензент анализирует ключевую для книги проблему, а именно: почему отношения человека с машинами неизменно амбивалентны, почему современные техноалармистские настроения имеют глубокие историко-культурные и психоаналитические корни. В рецензии отмечается междисциплинарный подход Штрассберга, синтезирующий психоанализ (З. Фрейд, М. Кляйн), некоторые направления классической философии (Платон, И. Кант), исторический подход к технике. Выявляются эвристический потенциал и ограничения предложенной автором методологии «созвездий аффектов», а также демонстрируется, как сквозь историю автоматонов, часов, паровых машин и компьютеров просвечивает неизменная антропологическая драма: противостояние между грезами человека о всемогуществе и глубинным/иррациональным для человеческой психики страхом перед «божественным наказанием» за него. Делается вывод о том, что работа Штрассберга является значимым вкладом в философию техники, который позволяет обновить известные представления о природе технофобии и технофилии. Статья предназначена философам, культурологам, специалистам по техническим наукам, исследователям в области социальных и гуманитарных наук, читателям, интересующимся вопросами соотношения технического и антропологического.

Ключевые слова

миф; машина; техника; технология, аффект, технофобия, технофилия, Даниэль Штрассберг, история механизмов

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0
© 2026 Соломко Дмитрий Витальевич

Введение

Монография Д. Штрассберга, на первый взгляд, обращена к узкому кругу специалистов по философии техники. Однако, вопреки ожиданиям, в книге не обнаруживается ни детального исторического обзора, ни экономического анализа технологических трендов, ни основательно проработанной классификации различных видов техники. О чем же тогда пишет Штрассберг? В современном интеллектуальном ландшафте, где дискуссии о влиянии искусственного интеллекта, генеративных нейросетей, алгоритмизации и цифрового капитализма достигли предела напряженности, выход книги Даниэля Штрассберга «Мифология машины» представляется событием своевременным и концептуально значимым. Изданная в 2025 году московским издательством «АСТ» в серии «Слово современной философии», эта работа (оригинальное название – *Spektakuläre Maschinen. Eine Affektgeschichte der Technik*, 2022) предлагает читателю не очередную историю технических изобретений и не апологетику или критику технологического прогресса. Ее амбиция иная и в первом приближении выглядит парадоксально: проследить историю аффектов, которые техника в человеке порождает. Иными словами, у Штрассберга вопрос об истории техники есть вопрос об истории аффектов человеческого восприятия технического, а, следовательно, и отношения к нему.

Штрассберг ставит перед собой задачу, которая лежит на пересечении психоанализа, истории культуры и философской антропологии. Автор предлагает операционализировать психоанализ для исторического исследования техники, что позволяет преодолеть, например, как абстрактный характер хайдеггеровского «постава» (Хайдеггер, 1986), так и нормативность франкфуртской критики инструментального разума (Хоркхаймер & Адорно, 1997). Его главный вопрос: куда уходят корнями наши страхи перед современными техникой и технологиями (от тревог по поводу «восстания машин» до опасений утраты когнитивного суверенитета из-за постоянного использования персональной техники в виде различных гаджетов), возможностями и перспективами, которые они нам открывают? Ответ, предлагаемый Штрассбергом: страхи человека имеют не столько рационально-утилитарную, сколько также и глубинную, мифологическую и бессознательную природу. При этом книга фокусируется именно на бессознательном измерении, не отрицая наличия и других. Как справедливо отмечает И. Перников, труд Штрассберга превращает ставшее традиционным последовательное и рациональным образом систематизированное изложение истории механизмов в своеобразную «мясорубку», работающую на искусственном интеллекте, где перемалываются в единый экзистенциальный «фарш» идеи Платона, Лейбница, Канта, Фрейда и Фуко, чтобы на выходе поставить диагноз техноамбивалентному сознанию современного человека (2025).

Штрассберг предлагает несколько отвлечься от утилитарных и инструментальных трактовок при анализе машины. Для него она не просто вспомогательный инструмент производства или, широко, – средство достижения различных целей, и даже не объект потребления. Автор для трактовки машины предлагает оригинальный метод «исторической психотехники», фокусируясь не на собственно технических характеристиках машин, а на «аффективных созвездиях», которые они порождают в отношении к ней у человека. Аффект понимается здесь не как простое чувство, а как сложный комплекс реакций, включающий эмоции, коллективные фантазии, культурные коды и техническое знание. Такой подход позволяет автору избежать как технологического детерминизма, так и наивного конструктивизма. Вместо этого Штрассберг показывает, как техника и миф о ней находятся в режиме взаимного влияния друг на друга, co-production (со-производства). Этот тезис развивается через обращение к концепциям эпистемы М. Фуко (1994), структуры человеческого разума И. Канта (1965), бессознательного З. Фрейда (1998, с. 125–160), переосмысленных в историческом ключе.

В данной рецензии ставиться цель критически осмыслить методологические основания и содержательные выводы монографии. Насколько убедительным является проект аффективной истории техники? Действительно ли концепт «созвездий аффектов» позволяет преодолеть ограниченность как технооптимизма, так и технопессимизма? Что нового и прорывного предлагает работа Штрассберга для понимания «человеческого» в эпоху повсеместной технизации? И, наконец, найдена ли автором та единственная и важная черта человека, которая навсегда отличит его от машины и не допустит того, чтобы он был ею уничтожен?

Методология «аффективных созвездий»: между психоанализом и историей идей

Ключевым методологическим ходом Штрассберга является введение в исследовательскую оптику понятия «созвездие аффектов» в качестве базовой единицы исторического анализа техники. Отталкиваясь от этимологии понятия «аффект» (лат. *afficere* – «воздействовать, раздражать, производить впечатление»), автор настаивает на комплексной природе этого феномена, дополняя его поэтическим – «созвездие». Аффект не сводим только к какой-либо одной простой эмоции (радость, гнев, восхищение). Повторяя позицию В. Беньямина (2002), Штрассберг пишет, что аффект – это сложная, многокомпонентная динамическая структура («созвездие»), включающая в себя комплекс чувств, ощущений, эмоций, знаний, бессознательную фантазию, а также весь культурный, социальный и политический контекст.

Такой подход в анализе техники и различных видов отношений с ней человека позволяет Штрассбергу уйти от прямого дуального противопоставления «фобия – филия» / «страх – восхищение» и показать их единство, нераз-

рывную связь и взаимопроникновение друг в друга. Согласно автору, человек боится машин не только потому, что они могут быть опасны объективно, но и в силу того, что они пробуждают в человеке укорененные в бессознательном уровне его психики древние мифологические сценарии. Для наглядной иллюстрации данного тезиса Штрассберг обращается к психоанализу З. Фрейда, экстраполируя возможности этого метода на взаимоотношения человека и техники. Анализируя страх как таковой, Штрассберг вслед за Фрейдом проводит важное различие между реакцией человека на реальную угрозу (тигр в Тбилисском зоопарке) и фобией (страх перед крысой или пауком). В случае фобии источник страха находится не вовне, а внутри человека, пробуждается и поднимается из бессознательных глубин его внутреннего мира; это может быть проявление неразрешенного бессознательного внутреннего конфликта между различными сторонами психики человека или подавленного внешними запретными социальными нормами влечения. Внешний объект (например, крыса) в этом случае выступает лишь в качестве «ложной связки», катализатора, точки приложения внутреннего напряжения. Экстраполируя эту логику на отношение человека к технике, Штрассберг формулирует гипотезу, которая является стержневой для всей книги: страхи человека перед машинами – это коллективные бессознательные фобии, закрепляющиеся на протяжении всей истории человечества и передающиеся из поколения в поколение, за которыми скрывается сам человек; машина в этом случае выступает преимущественно лишь зеркалом человеческого. За утилитарными опасениями (например, что возможности ИИ заменят человека в труде и приведут к массовой безработице) скрывается более древний и фундаментальный корень – конфликт между претензией человека на всемогущество и высшим божественным или объективным природным порядком. Машина, таким образом, становится внешним экраном для проекции внутреннего бессознательного конфликта человека.

От автоматона к паровому двигателю: археология аффекта

Композиционно книга выстраивается как хронологически организованное путешествие по ключевым этапам истории техники, каждый из которых порождает свою уникальную констелляцию аффектов. Штрассберг начинает с Античности на примерах древних автоматонов. Непосредственное участие человека в функционировании автоматонов оказывается в тени, он исполняет роль задающего программу, запускающего механизм, который осуществляет дальнейшие действия без человека. Если говорить предельно обобщающе, античные *deus ex machina* или парящие божества в театре вызывали у зрителя *thaumazein* – изумление или удивление, аффект встречи с чудом, с проявлением сил, превышающих человеческие возможности. В Средние века, пишет Штрассберг, автоматоны мигрируют в кунсткамеры и на фасады соборов, начиная выполнять новые функции, служа не столько для развлечений чело-

века, сколько для демонстрации церковной власти, а значит, и власти божественной. Подобно тому как античные мудрецы и философы приписывали божественные свойства магниту, чудо-машины Средневековья воспринимались людьми как свидетельство присутствия иных сил: Бога или, напротив, дьявола. Здесь, по мысли автора, закладывается фундаментальная амбивалентность в отношении человека к технике: рукотворное чудо, созданное человеком, может быть как знаком божественной благодати, так и результатом горделивого договора с падшим ангелом.

Для Штрассберга ключевым событием, поделившим историю техники на до и после, становится изобретение механических часов в средневековых монастырях около 1280 года. Изначально изобретение было призвано решить сугубо практическую задачу – будить монахов на ночную молитву. Однако скрытое в них латентное, неявное знание оказалось поистине революционным. Часы стали первой машиной, которая не просто преобразовывала некоторые человеческие усилия, но и производила новое интегративное качество – равномерное, дискретное время. Часы создали и задали новую антропологическую, искусственно созданную, механистическую темпоральность, отличную от темпоральности естественной – природной или сверхъестественной – божественной. Тем самым часы проложили дорогу и новому пониманию мира (природы, культуры, устройства государства) и самого человека. Спустя четыре века после создания человеком этого изобретения, пишет далее Штрассберг, метафора часов (понимание мира как гигантского часового механизма, Бога – как часовщика) стала доминирующей в науке и философии, утвердив новую механистическую картину мира. Однако, как замечает автор, часы таили в себе и бомбу замедленного действия. Насколько техника может быть полезна, настолько же она может быть вредна и опасна. Автономный спусковой механизм, используемый в часах, доказывал, что механистическая система может управлять собой сама, без непосредственного вмешательства извне, что делало фигуру управляющего, в зависимости от контекста, будь то Бог в отношении к миру вообще, монарх в отношении к государству или душа к телу – факультативной. Это знание, заложенное в конструкцию механизма, ждало своего часа, чтобы быть экстраполированным на объяснение устройства всего мира материалистами Просвещения.

Штрассберг считает, что апофеозом этого процесса становится изобретение первой паровой машины Уатта и открытие законов термодинамики. Если часы являлись моделью нового порядка в мире человека, то паровая машина стала моделью обмена и преобразования его жизни и деятельности. Паровая машина не просто могла двигаться сама по себе, но и производить энергию, становясь аналогом живого организма. Штрассберг убедительно показывает, как термодинамика перевела «жизненную силу» из разряда витали стических сущностей в контекст физических величин – реальной энергии. Человек и машина оказались включены в единую экономическую систему

обмена, где качество и ценность и того, и другого стала измеряться в единых системах исчисления – лошадиных силах, ваттах и, в конечном счете, деньгах. Это стало не только технической или экономической, но и глубочайшей антропологической революцией, подготовившей почву для создания ситуации повсеместной технизации, в которой находится сегодня современный человек, когда техника и технологии проникают практически во все сферы его культурной и общественной жизни, как на индивидуальном, так и надындивидуальном уровнях, задавая собственную логику развития, подчиняя ей человека.

Проблема антропологической границы: слуга, двойник и ὕβρις

В методологическом аппарате рецензируемой работы особенно привлекает исследовательское внимание то, как Штрассберг выводит на первый план своего анализа проблему антропологической границы. С точки зрения автора, машина на всем протяжении своей истории выступает для человека не просто инструментом для достижения поставленных целей, но и зеркалом, своеобразным двойником пока что не осознанных человеком глубинных уровней его психики. Кроме того, Штрассберг осмысливает машину и как идеального слугу, наподобие раба в «Политике» Аристотеля (1984, с. 375–645), безупречное служение которого своему хозяину может оказаться для последнего реальной угрозой. Как только машина начинает превосходить человека в какой-либо его способности (силе, точности, скорости, памяти, обработке информации и т. п.), она, по заявлению Штрассберга, перестает быть просто средством в достижении каких-либо целей, которые ставит перед собой человек, она начинает оспаривать его субъектность и уникальность.

Эта диалектика наиболее ярко раскрывается автором в анализе некоторой части сюжетов библейской и античной мифологий. С одной стороны, человек создан по образу и подобию Бога-Творца, который передает способность к творчеству и человеку, а вместе с ней свободу, обусловливающую его субъектность, ответственность и открытость миру. Создание человеком автономных машин является актом *imitatio Dei*, подражания Творцу в его способности создавать то, что будет действовать исходя из себя, по собственной воле. С другой стороны, такой миметический акт человека неизменно классифицируется как гордыня, или *гибрис* (от др.-греч. ὕβρις – «дерзость», а также *хюбрис* – термин из древнегреческой культуры, означающий высокомерие, гордыню, спесь, чрезмерное самолюбие), за которую следует неминуемое наказание. Миф о Прометее, похитившем огонь (метафора технического знания) у богов, и миф об Икаре, слишком высоко взлетевшем на искусственных крыльях, становятся архетипическими нарративами, программирующими наше восприятие, а затем и отношение к технике на тысячелетия вперед.

Штрассберг, вслед за Гюнтером Андерсом (Anders, 1956), фиксирует следующий парадокс в отношении технического и антропологического: техническое усовершенствование машин порождает у человека чувство «прометеева стыда» за свою биологическую неполноценность. Но одновременно это чувство является лишь оборотной стороной бессознательной фантазии человека, его несбыточной мечтой о собственном всемогуществе. Совершенствуя машины, человек реализует желание превзойти самого себя, стать сверхчеловеком. Расплата за реальный прорыв в этом – страх перед созданным им же самим «монстром», выходящим из-под его контроля (Голем, Франкенштейн, восставший репликант, искусственный интеллект).

В этой связи Штрассберг вспоминает и поздние размышления Мишеля Фуко о «смерти человека» (1994) как конфигурации в эпистеме или диагноз Жана Бодрийяра о «нищете объекта» и «блеске субъекта» в «Фатальных стратегиях» (2017). Субъект, который веками эгоистически мнил себя центром мироздания и мерой всех вещей, в своем высокомерном стремлении к абсолютной власти над природой создает объекты (технику, машины), которые не просто выходят из-под его контроля, но и начинают определять его самого, его потребности, желания и границы. В этом смысле работа Штрассберга является не только историей техники, но и иллюстрацией того, как технический объект постепенно «вырастает» и начинает теснить субъекта с его уютного места в центре мироздания. Не случайно появляются работы в современной философии техники, онтологически ставящие человека в один ряд с созданными им же самим техническими объектами. Таковы работы некоторых представителей «плоских онтологий», на которых ссылается и Штрассберг в рецензируемом труде.

В современной западной философско-научной мысли, развивающейся в контексте объектно-ориентированной онтологии, всё чаще звучат призывы отказаться от дихотомии «человек – техника». Такие авторы, как Ж.-Л. Нанси (2011), Ж. Симондон (1989) и Т. Мортон (2013), предлагают пересмотреть традиционную иерархию, трактующую отношения человека и техники как исключительно субъекта и средства. В частности, Нанси, специализирующийся в области философского исследования техники, утверждает, что проблематика техники до сих пор не получила должного осмысления в философском дискурсе. Критикуя предшественников, он указывает на то, что, например, даже у одного из самых авторитетных философов современности Хайдеггера техника выступает лишь фоном для разговора о человеке, инструментом для прояснения человеческого бытия, тогда как сама по себе она остается на периферии.

Хайдеггер, по мнению Нанси, использует технику как оптику для наблюдения за человеком. В противовес этому Нанси предлагает радикально иной подход: техника должна стать способом преодоления подобного человеческого эгоцентризма. Он настаивает на снятии оппозиций между естественным

и искусственным, антропологическим и техническим. С его точки зрения, техника – это не продукт человеческого гения, а способ самовыражения природы, которая раскрывается через человека. В этой парадигме человек сам становится средством самораскрытия природы. Человек и техника укоренены в единой природной основе, что делает их неразличимыми и равноправными проявлениями бытия. Вводя понятие «целесообразности природы», Нанси фактически отводит человеку роль проводника, медиатора природных интенций, низводя его до служебного элемента. При этом из рассмотрения философа по какой-то причине выпадает фундаментальная способность человека к самостоятельному целеполаганию – умению задавать цели и нормы, выходящие за пределы природной детерминации, что пока остается исключительно человеческой прерогативой.

Схожие мотивы прослеживаются и у Жильбера Симондона, который, однако, акцентирует исследовательское внимание на этической стороне вопроса взаимодействия человека с техникой. Если Хайдеггер предупреждал об опасности порабощения человека технологиями, то Симондон разворачивает и пытается обосновывать тезис, что не техника угнетает человека, а человек эксплуатирует технику, относясь к ней как к бесправному рабу. Философ призывает к развитию у человека эмпатии по отношению к техническим объектам, особенно к устаревающим, требуя относиться к ним с заботой и благодарностью, а не бесчувственно от них избавляться. Как и Нанси, Симондон видит в технике не воплощение человеческих способностей, а объективацию дочеловеческой природы. Технические объекты, по его мнению, есть продолжение природы, существовавшей задолго до появления человека, и человек сам является частью этой предшествующей реальности.

Идея размывания границ находит свое крайнее выражение и в некоторых современных экофилософских концепциях, в частности, у Тимоти Мортона. Он проводит смелую аналогию, утверждая, что само стремление отделить человеческое от нечеловеческого имеет те же корни, что и феномен социальных дискриминаций. Человек, по Мортону, изначально не является автономным существом – его существование обеспечивается симбиозом со множеством нечеловеческих агентов, таких как, например, кишечная микрофлора. Следовательно, человек должен занять более скромную позицию, отказавшись от покровительственного тона в отношении мира. В рамках своей «темной экологии» Мортон постулирует онтологическое равенство всего сущего: людей, животных, растений и вещей, включая технику. Все они равны, заявляет философ, в своей неустойчивости, «странности» и непредсказуемости. Более того, Мортон допускает, что нечеловеческие сущности, включая вещи, способны к активному воздействию на человека, транслируя эмоции и даже имея «свои планы». Однако Мортон оставляет без внимания вопрос о различии между типами вещей – например, вещами самими по себе и вещами, произведенными деятельностью человека. Воздействие книги или

машины, созданных человеком, опосредовано вложенным в них человеческим смыслом. Техника в этом смысле выступает как «иное» самого человека, зеркало, в котором он отражается сам, а не автономный субъект действия.

Что, с точки зрения Штрассберга, является той единственной и важной чертой человека, которая навсегда отличит его от машины и не допустит его уничтожения ею? Существует ли она вообще – или стоит согласится с представителями плоских онтологий, что таковой черты нет, техника и человек онтологически неразличимы? В самом конце книги, в главе про божественные машины и описание теста Тьюринга, автор подводит читателя к мысли, что этот тест на самом деле имеет ключевой вопрос не в том, может ли машина мыслить как человек, а в том, может ли человек мыслить как машина, не сведутся ли все возможности мышления человека к чисто техническим/вычислительным операциям. Штрассберг отмечает, что мышление человека способно не только на расчеты, но и обладает творческим, игровым потенциалом создавать иллюзии. Кроме того, человек посредством мышления может осознавать свою конечность, а также смысл своего бытия. Автор не дает прямого и однозначного ответа на вопрос о «единственной черте», которая гарантированно спасет человечество от уничтожения машинами. Более того, «спасение» человека заключается не в обладании какой-то уникальной, неповторимой сущностью (душой, сознанием, эмпатией), которую машины никогда не смогут полноценно воспроизвести, а в рефлексивной способности выходить за пределы навязанных западноевропейской культурой мифов (например, человеческом всемогуществе), в осознании и принятии в экзистенциальном смысле собственной несовершенности, конечности и уязвимости. Машина – это зеркало человеческого. Если смотреть в него с ужасом или самолюбованием, можно потерять себя; если же с игривым любопытством, можно узнать о себе что-то новое.

Эвристика и границы штрассберговского подхода

Безусловной заслугой автора является богатый эмпирический материал, которым изобилует текст и который успешно вовлечен в орбиту философского анализа, будь то история механической утки Жака де Вокансона, впечатляющей своей биомиметичностью и одновременно искусным обманом, или политический подтекст автоматического механического тигра Типу Султана, терзающего английского солдата. Каждый пример укрепляет общую концепцию работы, иллюстрируя, как чисто развлекательная или репрезентативная функции машины оказываются носителем глубокого аффективного заряда, буквально делающего восприятие человека живым.

Вместе с тем, отдавая должное новаторству и эрудиции Штрассберга, следует указать на ряд моментов, которые остаются за рамками его анализа или требуют дальнейшей проблематизации.

Во-первых, предлагая психоаналитическую трактовку технофобии как коллективной проекции внутреннего конфликта человека, автор, возможно, недооценивает специфику современных технологий. Страх перед ИИ, алгоритмическим машинным управлением или утратой приватности в эпоху «надзорного капитализма» (Зубофф, 2024) имеет не только мифологические корни, но и вполне конкретные политико-экономические основания. Машины могут осмысливаться сегодня не просто как средства, занятные игрушки или «чудо-вещи» в кунсткамерах, но и как агенты, встроенные в сложные системы власти и контроля. Сведение всех опасений к архетипу «гибрис/хюрбис» рискует редуцировать социальную критику к психоаналитической.

Во-вторых, неоднозначное влияние техники на человека рассматривается преимущественно в контексте биполярности технофилии/технооптимизма (Белл, 2004; Энгельмейер, 1997, с. 38; Эпштейн, 2017) и технофобии/технопессимизма (Бердяев, 1933, с. 3-38; Кутырев, 2010; Мэмфорд, 2001; Тоффлер, 2004; Фукуяма, 2004; Шпенглер, 1998). Напомню, что в рамках первой концепции абсолютизируются положительные стороны и позитивные перспективы технического прогресса, которому отводится определяющее и решающее место в развитии общества; сторонники второй концентрируют свое внимание преимущественно на деструктивных последствиях для человека безудержного и бурного развития техники. Вместе с тем остаются без должного внимания и другие мировоззренческие концепции в оценке технике, того, как она влияет на человека, какие оказывает на него эффекты: например, это «технический реализм» (Шапиро, Шенк & Джонсон, 1998; Winner, 1997), учитывающий как позитивное, так и негативное влияние техники на общественную жизнь. Существует и «Нейтральный подход» к технике (Маркс, 1958), в контексте которого техника оценивается как нечто нейтральное, и то, как будет развернут ее потенциал, полностью зависит от человека, это зона его ответственности. Сегодня оформляется и укрепляется ещё одна важная концепция, отмечающая сложный и труднопредсказуемый характер развития техники – концепция технологической сингулярности (Виндж, 2019; Курцвейл, 2019; Нейман, 2009; Улам, 2001). Согласно этой концепции, постоянное ускорение в развитии технического прогресса неизбежно приведет к ситуации потери контроля человека над техникой и утраты им своей субъектной позиции.

В-третьих, из поля зрения автора во многом выпадает так называемая «не-западная» оптика/перспектива. Упоминание о современной Японии во введении, где роботы получают гражданство легче, чем люди-мигранты, служит лишь контрастным фоном для западной дуалистической традиции. Однако это интересное авторское замечание не получает должного развития в основном тексте книги. Между тем, в японском синтоизме и буддизме, где мир населен множеством одушевленных сущностей (ками), а граница между живым и неживым осмысливается совершенно иначе, аффективная

история техники Штрассберга, вероятно, разворачивалась бы совсем по другим законам. Анализ этого альтернативного пути мог бы сделать выводы автора менее европоцентричными, т. к. игнорирование не-западных оптик не просто сужает предмет, но и ставит под вопрос универсальность психоаналитической модели, на которую опирается Штрассберг. При этом рецензент понимает авторскую ограниченность предмета исследования историей западноевропейской мысли, поскольку именно в русле западноевропейской культуры исторически формируется угроза радикальных технико-технологических трансформаций человеческого общества.

И, наконец, в-четвертых, стиль изложения, при всей его философской глубине, иногда страдает от избыточной детализации, на что указывают и некоторые читатели в своих отзывах об этой книге. Монография, задуманная как интеллектуальный бестселлер, местами превращается в эрудированный, но тяжеловесный для прочтения труд, где основной тезис тонет в обилии исторических экскурсов и цитат.

Выводы

Монография Даниэля Штрассберга «Мифология машины» является ярким и концептуально насыщенным событием в современном дискурсе философии техники. Ее главное достижение заключается в последовательной и эвристически продуктивной попытке применить инструментарий психоанализа к историческому развитию не столько самих технических артефактов, сколько их культурной и аффективной рецепции. Штрассбергу удается убедительно показать, что амбивалентность человека по отношению к машинам – от античных автоматонов до современных алгоритмов – укоренена не только в сиюминутных социально-экономических обстоятельствах, но и в глубинных, архетипических структурах человеческой психики. Вводя понятие «созвездие аффектов», автор предлагает эффективный инструмент для ухода от прямого и упрощенного противопоставления технооптимизма и технопессимизма, демонстрируя, что восхищение и страх перед техникой являются двумя сторонами одной антропологической драмы, в центре которой – диалектика *imitatio Dei* и ὕβρις, стремления к всемогуществу и страха перед возмездием за него.

Исследование Штрассберга органично вписывается в современную дискуссию о «постчеловеческом», предлагая оригинальный взгляд на проблему антропологической границы. Машина предстает у него на просто как инструмент/средство или угроза, но как двойник, зеркало, в котором человек на протяжении всей своей истории пытается разглядеть собственные очертания, отделить себя от созданного им «своего иного». С точки зрения рецензента, этот подход позволяет по-новому прочитать историю ключевых технико-тенологических изобретений человека – от механических часов, имплицитно подорвавших теологическую картину мира, до паровой машины, ставшей моделью для термодинамического осмысления жизни и труда.

Вместе с тем аффективная история техники, предложенная Штрассбергом, обнаруживает и свои границы. Фокусируясь на мифологических и психоаналитических структурах, автор неизбежно редуцирует сложность современных антропо-социо-технических реалий, где страх перед возможностями искусственного интеллекта и нейросетей имеет не только архетипические корни, но и вполне явные политико-экономические измерения. Европоцентричность анализа, с блеском демонстрирующая генеалогию западной амбивалентности, оставляет открытым вопрос о применимости этой модели к культурам с иными онтологиями, где граница между живым и неживым, естественным и искусственным проводится принципиально иначе.

Несмотря на эти ограничения, работа Штрассберга задает высокую планку для междисциплинарных исследований техники. Она не только обогащает историю идей и философскую антропологию, но и предлагает читателю – философу, культурологу или просто рефлексирующему современнику – ценный инструмент для самоанализа: всматриваясь в историю созданных человеком машин, человек в конечном счете всматриваемся в самого себя, в свои страхи, надежды и неизбывные мечты о преодолении собственной конечности. Именно этот глубокий гуманистический посыл делает книгу значимым вкладом в понимание нашего технологического прошлого, настоящего и будущего.

Заявления автора

Согласие с политиками и положениями сетевого издания

Автор данной рукописи был уведомлен и согласен с действующими политиками и положениями сетевого издания, изложенными на веб-сайте.

Оригинальность и эксклюзивность рукописи

Автор подтверждает, что рукопись является оригинальной, ранее не публиковалась ни полностью, ни частично и не находится на рассмотрении для публикации в других изданиях.

Авторство и вклад (CRediT)

Концептуализация, проведение исследования и написание текста — Соломко Д. В.

Политика в отношении препринтов и предыдущих версий

Автор подтверждает, что нет препринта/рабочей версии.

Конфликт интересов

Конфликтов нет.

Финансирование

Данная работа не профинансирована ни одним спонсором.

Использование генеративного ИИ и вспомогательных инструментов

Инструменты искусственного интеллекта не указаны в качестве авторов; любой вклад (редактирование текста, перевод, иллюстрации, код) описан в разделе «Методы»; точность, оригинальность и соблюдение прав проверены.

Разрешения на использование (тексты, изображения, карты, иллюстрации)

Все материалы, защищённые авторским правом, воспроизводятся с разрешения правообладателя; соблюдаются условия лицензии (включая Creative Commons).

Благодарности и вклады без авторства

Отсутствуют.

Список литературы

Anders, G. (1956). *Die Antiquiertheit des Menschen: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution [The Obsolescence of Human Beings: On the Soul in the Age of the Second Industrial Revolution]*. Beck. https://doi.org/10.17104/9783406704208 (In German).

Morton, T. (2013). *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. University of Minnesota Press.

Simondon, G. (1989). *Du mode d'existence des objets techniques [On the Mode of Existence of Technical Objects]*. Aubier. (In French).

Winner, L. (1977). *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought*. MIT Press.

Аристотель. (1984). Политика. В *Собрание сочинений* (Т. 4, сс. 375–645). Мысль.

Белл, Д. (2004). *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. Academia.

Беньямин, В. (2002). *Происхождение барочной драмы*. Аграф.

Бердяев, Н. А. (1933). Человек и машина. *Путь*, (38), 3–38.

Бодрийяр, Ж. (2017). *Фатальные стратегии*. РИПОЛ классик.

Виндж, В. (2019). *Сингулярность*. АСТ.

Дубровский, Д. И. (Ред.). (2013). *Глобальное будущее 2045. Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция*. Издательство МБА.

Зубофф, Ш. (2024). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Издательство Института Гайдара.

Кант, И. (1965). Основы метафизики нравственности. В *Сочинения*: 4. Ч. 1 (сс. 219–311). Мысль.

Курцвейл, Р. (2019). *Transcend. Девять шагов на пути к вечной жизни*. Манн, Иванов и Фербер.

Кутырев, В. А. (2010). *Бытие или ничто*. Алетейя.

Маркс, К. (1958). Речь на юбилее «The people's paper», произнесённая в Лондоне 14 апреля 1856 года. В К. Маркс & Ф. Энгельс, *Собрание сочинений* (Т. 12, сс. 3–5). Госполитиздат.

Мэмфорд, Л. (2001). *Миф машины. Техника и развитие человечества*. Логос.

Нанси, Ж.-Л. (2011). *Непроизводимое сообщество*. Водолей.

Нейман, Дж. фон. (2009). *Теория самовоспроизводящихся автоматов*. Либроком.

Перников, И. (2025). *Оседлать механического тигра. О «Мифологии машины» Даниэля Штрассберга*. Горький Медиа. https://gorky.media/reviews/osedlat-mehanicheskogo-tigra

Тоффлер, Э. (2004). *Шок будущего*. АСТ.

Улам, С. (2001). *Приключения математика*. Регулярная и хаотическая динамика.

Фрейд, З. (1998). Бессознательное. В *Основные психологические теории в психоанализе* (сс. 125-160). Алетейя.

Фуко, М. (1994). *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. A-cad.

Фукуяма, Ф. (2004). *Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции*. АСТ.

Хайдеггер, М. (1986). Вопрос о технике. В П. С. Гуревич (Ред.), *Новая технократическая волна на Западе* (сс. 45–66). Прогресс.

Хоркхаймер, М., & Адорно, Т. (1997). *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Медиум – Ювента.

Шапиро, Э., Шенк, Д., & Джонсон, С. (1998). *Манифест технореализма*. Технореализм. http://www.technorealizm.org

Шпенглер, О. (1998). *Закат Европы*. Мысль.

Штрассберг, Д. (2025). *Мифология машины. История механизмов, которые нас пугают и очаровывают*. АСТ.

Энгельмейер, П. К. (1997). Философия техники. *Alma Mater*, (3), 38.

Эпштейн, М. Н. (2017). *Проективный словарь гуманитарных наук*. Новое литературное обозрение.

References

Anders, G. (1956). *Die Antiquiertheit des Menschen: Über die Seele im Zeitalter der zweiten industriellen Revolution [The Obsolescence of Human Beings: On the Soul in the Age of the Second Industrial Revolution]*. Beck. https://doi.org/10.17104/9783406704208 (In German).

Aristotle. (1984). Politics. In *Collected Works* (Vol. 4, pp. 375–645). Mysl. (In Russian).

Baudrillard, J. (2017). *Fatal Strategies*. RIPOL Klassik. (In Russian).

Bell, D. (2004). *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. Academia. (In Russian).

Benjamin, W. (2002). *The Origin of German Tragic Drama*. Agraf. (In Russian).

Berdyaev, N. A. (1933). Man and machine. *Put*, (38), 3–38. (In Russian).

Dubrovsky, D. I. (Ed.). (2013). *Global Future 2045: Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution*. MBA Publishing House. (In Russian).

Engelmeier, P. K. (1997). Philosophy of technology. *Alma Mater*, (3), 38. (In Russian).

Epstein, M. N. (2017). A *Projective Dictionary of the Humanities*. New Literary Observer. (In Russian).

Foucault, M. (1994). *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. A-Cad. (In Russian).

Freud, S. (1998). The unconscious. In *Basic Psychological Theories in Psychoanalysis* (pp. 125–160). Aletheia. (In Russian).

Fukuyama, F. (2004). *Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution*. AST. (In Russian).

Heidegger, M. (1986). The question concerning technology. In P. S. Gurevich (Ed.), *The New Technocratic Wave in the West* (pp. 45–66). Progress. (In Russian).

Horkheimer, M., & Adorno, T. (1997). *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. Medium–Juventa. (In Russian).

Kant, I. (1965). Groundwork of the Metaphysics of Morals. In *Works: Vol. 4, Part 1* (pp. 219–311). Mysl. (In Russian).

Kurzweil, R. (2019). *Transcend: Nine Steps to Living Well Forever*. Mann, Ivanov and Ferber. (In Russian).

Kutyrev, V. A. (2010). *Being or Nothingness*. Aletheia. (In Russian).

Marx, K. (1958). Speech at the anniversary of *The People's Paper*, delivered in London on 14 April 1856. In K. Marx & F. Engels, *Collected Works* (Vol. 12, pp. 3–5). Gospolitizdat. (In Russian).

Morton, T. (2013). *Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World*. University of Minnesota Press.

Mumford, L. (2001). *The Myth of the Machine: Technics and Human Development*. Logos. (In Russian).

Nancy, J.-L. (2011). *The Inoperative Community*. Vodolei. (In Russian).

Neumann, J. von. (2009). *Theory of Self-Reproducing Automata*. Librokom. (In Russian).

Pernikov, I. (2025). Riding the mechanical tiger: On Daniel Strassberg's *Mythology of the Machine*. *Gorky Media*. https://gorky.media/reviews/osedlat-mehanicheskogo-tigra (In Russian).

Shapiro, A., Shenk, D., & Johnson, S. (1998). The technorealism manifesto. *Technorealism*. http://www.technorealizm.org (In Russian).

Simondon, G. (1989). *Du mode d'existence des objets techniques [On the Mode of Existence of Technical Objects]*. Aubier. (In French).

Spengler, O. (1998). *The Decline of the West*. Mysl. (In Russian).

Strassberg, D. (2025). *Mythology of the Machine: A History of Mechanisms That Frighten and Fascinate Us*. AST. (In Russian).

Toffler, A. (2004). *Future Shock*. AST. (In Russian).

Ulam, S. (2001). *Adventures of a Mathematician*. Regular and Chaotic Dynamics. (In Russian).

Vinge, V. (2019). *The Singularity*. AST. (In Russian).

Winner, L. (1977). *Autonomous Technology: Technics-out-of-Control as a Theme in Political Thought*. MIT Press.

Zuboff, S. (2024). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).